

Юлия Остапенко

День бурундучка

Часть сборника
Жажда снящих (сборник)

Юлия Владимировна Остапенко

День бурундучка

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=131365*

Аннотация

- «– Не нравятся мне эти пуговицы.
– А? – переспросил я. – Что?
– Пуговицы, – повторил карниолец и ткнул в означенные предметы пальцами. Сразу во все шесть. Я чуть-чуть полюбовался гибкостью его суставов и сказал, с трудом пряча тоску:
– Чего не нравятся-то?...»

День бурундучка

Бывают такие – нет, не рассказы – дни, когда жизнь хороша и жить хорошо, и хочется быть белой и пушистой, и ещё пива и веселиться. Поэтому совершенно понятно, что писать в такие дни совершенно неохота – ну-у, сидеть за компьютером и чего-то там кропать, когда весна как минимум в душе, а то и на улице? Но иногда, как говорится, надо себя заставить. Тогда садишься, моментально придумываешь и зазорно настукиваешь на той самой скучной клавиатуре что-нибудь соответствующее. То есть весёлое и жизнерадостное, где даже никто не умирает. Да-да, вообразите, временами у меня получается и такое. Редко, но бывает.:)

И честно вам скажу: если вы получите от чтения рассказа «День бурундучка» хотя бы половину того удовольствия, которое получила я, когда писала его – я буду совершенно довольна.

P.S. А для тех, кто уже догадался, добавлю: да, вы совершенно правы, «День сурка» тут очень даже при чём.:)

– Не нравятся мне эти пуговицы.

– А? – переспросил я. – Что?

– Пуговицы, – повторил карниолец и ткнул в означенные предметы пальцами. Сразу во все шесть. Я чуть-чуть полюбовался гибкостью его суставов и сказал, с трудом пряча тоску:

– Чего не нравятся-то?

– Не знаю. Но мне от них как-то не по себе.

– Понятно. А какие надо, перламутровые? – не удержался я.

Карниолец, конечно, шутки не понял, и я сгреб комбинезон с прилавка.

– Зря вы все-таки. Настоящий шахтерский комбинезон. Конец двадцатого века, без дураков. И сертификат вот есть.

– Эти пуговицы излучают отрицательные поля, – заявил карниолец и яростно зашевелил надбровными усиками. Усики у этого экземпляра были фиолетовые, и я покорно наблюдал за их пляской – закон карниольской вежливости, иначе этот кретин мог обидеться. А впрочем, мне-то все равно уже, обидится он там, не обидится, – и так же видно, не купит ничего. Вечно под конец дня припирается такой, все щупает и несет какой-то бред, в который мне все равно не въехать.

– Ну тогда возьмите бурундучка, – вдохновенно попросил

я.

Карниолец обратил на меня взгляд четырех глаз. Пятый продолжал подозрительно коситься по сторонам.

– Чточточтот? – прощелкал он. Озадачен, стало быть. Я приободрился и потащил из-под прилавка клетку. Витька застрекотал, приподнялся на задние лапки.

– Редчайшая животинка! – понесся я с места в карьер. – Вымирающий вид! Их не осталось даже на Земле! Занесены в Общегалактическую Красную Книгу! Не требует разрешения на стрижку и разведение! Неаллергенен!

– Прививки есть? – деловито осведомился карниолец, и тут я прикусил язык: прививок у Витьки не имелось. Больше того: сделать их в нашем орбитальном захолустье не было никакой возможности. Потому-то я и не мог сплавить треклятого бурундука с рук уже полгода, с того самого дня, как его приволокли из бюро находок. Я бы обратно отправил, но тогда, как назло, рядом подвернулась Машка и сразу нюни распустила: жалко, дескать. Ну да, верни мы его, находку сдали бы в утиль, а для живого бурундука это означает даже не безболезненное усыпление, а жестокую кремацию в соседстве с пустой тарой и механизмами неидентифицированного назначения. Короче, Витька остался у меня, но в квартиру его тащить я отказался наотрез. Черт знает, авось повезет, и купит кто. Но, конечно, не везло. Чтоб мне – и повезло. Ага, сию минуту.

По моему обреченному молчанию карниолец понял, что

прививок нет, и, гневно задвигав усиками, ретировался за дверь.

– Стойте! – заорал я. – Ну на кой вам эти прививки? Бурундук здоров как бык! Чтоб мне-то и не знать?! Я всю жизнь продаю бурундуков!

Карниолец не отреагировал. Стекляшки с готовностью разъехались в сторону, пропуская все его восемь метров в длину. Удалялся карниолец чинно. Если бы у него был зад, мне бы захотелось туда наподдать, но зада у него не имелось. Обидно вдвойне.

Я посмотрел на шахтерский комбинезон, который в расстройстве заткнул под прилавок. Пуговицы ему не подошли, понимаете ли. Отрицательные поля они излучают, блин. Наверное, я ощутил бы досаду, тоску, приступ самоуничижения и прочие признаки депрессии, если бы та же хрень не повторялась в моей досадной, тоскливой и склоняющей к самоуничижению жизни изо дня в день. Изо дня в день вот уже... но я просто сдохну, если прикину, сколько лет, так что давайте не будем об этом.

А сегодня зато было целых две хорошие новости: во-первых, я продал набор декоративных пестиков, всучив их одной дуре с Циатлона под видом древних эротических сувениров. Я уж и не чаял спихнуть эти пестики, а она вон как уцепилась! Я даже цену умудрился взвинтить на целых полбакса. И эти полбакса с чистой совестью мог сегодня пропить в баре, что за углом от моего магазинчика, и это вторая

хорошая новость. Целых две хорошие новости за долбаный длиннющий день! Это надо обмыть.

На часах было без десяти восемь, но я закрылся с чистой совестью. Все рейсы сегодня шли как те самые часы, пассажиры отбывали в срок, транзитных было раз-два и обчелся, да и они предпочитали коротать время до отлета в баре космопорта, а не шляясь по дурацким сувенирным лавочкам. Порой, конечно, попадались маньяки, обожающие рыться в инопланетном старье и скупать его на вес, но я про них только слышал. Естественно, до меня они никогда не добредали, и мне оставались уроды-карниольцы, которым почему-то не нравятся наши пуговицы.

Так, ладно, хватит, а то опять впаду в хандру. А я сегодня собрался радоваться. Целых две хорошие новости! За целый долбаный день, такой же, как все остальные.

– Привет, Олег. Рановато сегодня. Удачный денек?

– Да конечно, – сказал я и плюхнулся на табурет у стойки. – Прямо сдуреть, какой удачный. Дай-ка мне «отвертку» за четвертак. Пока одинарную.

– Неужто продал бурундука? – ухмыльнулся бармен, смешивая мне коктейль.

– Еще чего! – обиделся я. – Витьку я меньше чем за десятку никому не продам. Что я, зря с ним полгода мудохаюсь?

– А я бы на твоём месте отдал даром, именно поэтому, – хмыкнул Андрей. – Телефон?

– Ох, да! – спохватился я. – Спасибо, что напомнил. Маш-

ка бы меня прибила.

– Что-то ты сегодня сам не свой, – подмигнул Андрей.

– Душа алчет праздника, – мрачно заявил я, набивая на мобильном домашний номер. Сейчас Машка снимет трубку, и я скажу... – Ага, это я. Да, солнце. Полчасика. Нет, ничего особенного. Пропущу на четвертак, и к тебе. Угу. Как обычно. Задрала, – добавил я, услышав гудки, и, захлопнув трубку, вернул ее Андрею. Тот коротко улыбнулся, но ничего не сказал. Конечно, сам-то подбивает клинья к каждой транзитной земляночке в порту... и небезуспешно, судя по тому, какая у него вечно довольная рожа. Ну да ему хорошо, он со сменщиком работает. А я один, и босс меня прибьет, если отлучусь посреди дня, когда самый наплыв клиентов – и земляночек. Я завистливо вздохнул.

– Неудачный день?

Даже не оборачиваясь, я понял, что это не человек. И даже не по вибрирующему тембру голоса и не по запаху – эти гады после дезинфекции, бывает, вообще ничем не пахнут. Все проще: только долбаные интуристы, подсаживаясь к незнакомцу в баре, начинают разговор этой фразой, которую они подслушали в наших фильмах.

Но Андрей отошел к другим посетителям, и я решил: почему бы и нет? К тому же к темильцам я всегда относился неплохо, у них денег до хрена, прямо как у наших японцев, и берут они все подряд. Не всучить ли ему тот треклятый комбинезон, подумал я мимоходом (профпривычка, мать ее

так!), а сам уже оборачивался с нашей традиционной улыбкой. Ну, то есть не нашей. Американской. А впрочем, один черт.

– Ну, как сказать, – проговорил я. – Может ли быть неудачным день, в котором целых две хорошие новости?

– Две новости? – переспросил темилец и, кажется, огорчился. – Так много?

Я б решил, что он издевается, если бы не работал в межпланетном космопорте уже... нет, давайте я не буду говорить, сколько лет, а то напыюсь. В общем, болтая с ненашим, никогда не знаешь, чего там у него на уме, так что лучше ничему не верить и ни на что не вестись. На всякий пожарный.

– Ну, для кого и много, – согласился я. – Для меня да, много, пожалуй. Но только если эти новости – первая: я продал наконец эти драные пестики. А вторая: я заработал себе на выпивку. Это – новости. И вот это уже поганая новость, верно?

Темилец задумчиво подергал мохнатыми ноздрями. Он был даже по-своему симпатичный и чем-то мне нравился.

– Поганая? – переспросил он, и я понял, что общий у него неважный.

– Плохая, – пояснил я. – То есть никакая. Никакущая. Со всем. Тоска.

– Тоска, – кивнул темилец. Это слово он знал. – У меня рейс перенесли. По – техническим – причинам – на – двое – орбитальных – суток, – подняв когтистый палец, продекла-

мировал он, передразнивая диктора. Вышло смешно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.